

ЯРОСЛАВА КУЗНЕЦОВА

Золотая
Свирель
ТОМ 2

МОСКВА

ЯРОСЛАВА КУЗНЕЦОВА

Золотая
Свирель
ТОМ 2

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Кузнецова, Ярослава Анатольевна.

К89 Золотая свирель. Том 2 / Ярослава Кузнецова. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-206636-8

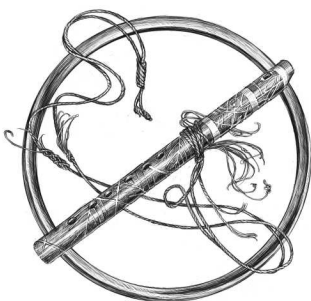
Книга заклинаний обратилась в пыль, пустует гроб в усыпальнице королей...

Что ты выберешь, Леста Омела? Ужасную правду о своей королеве или сладкую ложь Той Стороны? Золотая свирель теплеет в руке... Тот, кто любит тебя, всегда будет рядом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206636-8

© Кузнецова Я.А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРИНЦЕССА И ЧУДОВИЩЕ

*280 год от объединения Дареных Земель
под рукой короля Лавена (сейчас)*

Кое-как преодолев последний крутой подъем, я проползла пару шагов на четвереньках, запуталась в юбке и рухнула на рыжий хвойный настил.

— Ты на муравейнике лежишь, — уведомил меня Кукушонок.

Он привалился к сосне, устало переводя дыхание и утирая рукавом пот. Я видела, что он попал волосами в смолу, но сказать ему об этом не было сил — я дышала.

— Солнце почти село. — Кукушонок прищурился на запад. — Мы собираемся и дальше шараться по лесу? В темнотище?

— Иди... на фиг, — прохрипела я. — Малыша надо найти... сегодня. Как можно... скорее. Я... буду искать. А ты... иди на фиг.

— Кончай ругаться. Отыщем твоего Малыша. Вон от него колея какая. Словно табун коней прогнали. Глянь, как он тут все распахал.

Я сплюнула.

— Это... другой разговор. Малыш просто перепуган. Если бы... я была с ним рядом... а не трепалась с тобой, я бы успокоила его. Амаргин сказал... Ай-яй!

— Я же говорю — ты лежишь на муравейнике.

Я переползла в сторону, села, принялась отряхиваться.

Грозу унесло на север, тучи разметало по небу, сильный юго-восточный ветер высушил вершины холмов Соленого Леса и нашу одежду. Умытое небо гасло, от солнца осталась только пара угольков на горизонте. По краю холма, в мертвой траве, оглушающе стрекотали кузнечики.

— Однако... если мантикор эдак перепуган, — пробормотал Ратер после паузы, — не след бы нам с тобой за ним по пятам гоняться. Я смекаю, это его еще больше напугает. Вот за тобой бы так гонялись, а?

— Малыш знает меня. Мы с ним разговаривали. Он знает меня.

— Надо бы ему дать передохнуть. Чтоб он полежал под кустом, оклемался, огляделся...

— Я же не из-за собственного каприза за ним бегаю, Ратер! А если его кто-нибудь увидит? Он же чудовище! Его убьют тут же, на месте!

— Эт верно... А еще скорее, он сам кого-нибудь от большого испуга порешит.

— И за ним начнут гоняться охотники похуже, чем мы с тобой... Ну, все. Отдых окончен. Встаем, идем дальше.

— Это ты вставай, я-то уже стою. Так куда, говоришь, идти?

— А ты не видишь? Вон туда, где деревца поломаны.

Некоторое время мы пытались спуститься там же, где это сделал Эрайн. Но одно дело — залезть на крутизну, и совсем другое — по крутизне спуститься. А у мантикора кроме пары рук есть еще четыре когтистые лапы и хвост, которым можно за что попало цепляться.

Я остановилась над отвесным участком. Ну, если он и здесь умудрился не скатиться кувыркком, то у него, наверное, еще и крылья имеются, только я их раньше как-то не замечала.

— Там, внизу, того, — прокряхтел Кукушонок, — болото внизу.

— Какое еще болото?

— Ну, болотце. Жабий Ручей, он в Мележку впадает, вон там. — Ратер махнул рукой куда-то в темноту. — Трясины нет, но грязищи по пояс будет. Особенно сейчас, после дождя. И крапива там знатная.

Я задумалась. Свалиться с кручи в мокрое и грязное болото как-то не улыбалось. Даже если в нем нет трясины.

— А обойти его можно?

— Болото-то? Можно, почему нет. Вдоль старого русла пройти и вон туда, к Мележке, выйти. Там хороший песчаный овраг. Я б на месте мантикора туда бы и побег, и там бы заночевал.

— Малыш не знает здешних мест. Разве не видишь — он прет напролом, куда глаза глядят. Боюсь, он здесь сверзился прямо в болото.

— Если и сверзился, то давно из этого болота вылез. И бродит сейчас где-то совсем в другом месте. Или в овраге спит.

— Ладно, — решила я. — Веди к этому оврагу хваленому. А то ребрами гребеня считать в самом деле как-то не тянет.

Мы залезли обратно на вершину, прошли по гребню на север и спустились по гладкому удобному склону. Кукушонок неплохо ориентировался в Соленом Лесу, я неплохо видела в темноте — и вместе мы продвигались довольно резво. Правда, мокрая трава и размеренный шаг после беготни сказались не в лучшую сторону — мы оба начали мерзнуть.

По правую руку кромешной стеной стоял лес, по левую — меж деревьев проглянуло небо в белесых перьях облаков.

— Ага, — сказал Ратер. — Похоже, мы правильно идем. Овраг должен быть прямо впереди.

— Постой, — я схватила его за руку. — Послушай...

За деревьями, на прогалине, надрывался коростель, но за его нескончаемым «спать пора» странным, неуместным фоном доносилось...

— Музыка?

Кукушонок уставился на меня, глаза его блеснули белками. Я пожала плечами в темноте:

— Точно, музыка. Похоже, здесь где-то гулянка в лесу.

Мы еще послушали далекое пиликанье виол, чьи-то нестройные голоса, пьяный хохот...

— Я знаю, кто это, — заявил вдруг Кукушонок.

— Да ну? Какие-нибудь разбойники с большой дороги?

— Почти угадала. Это ее высочество со товарищи. Шабаш у них.

— Какой еще шабаш?

— Ну, не шабаш, а эта... как ее... оранья... оргация?

— Оргия?

— Во-во. Благородные развлечения, сопровождаемые ором и гиканьем.

Я нахмурилась, почесала нос.

— Знаешь что... пойдём-ка отсюда. Манतिकор туда, где шумно, точно не сунется. Он или удрал подальше, или отлеживается где-нибудь в тихом месте. Здесь ни ему, ни нам делать нечего.

— Я вижу огонь, — сказал Ратер. — Во-он, внизу, смотри... Они совсем рядом. Просто они ниже нас, в самом овраге.

— В овраге?

— Стань ко мне, отсюда видно.

А и правда, овраг-то оказался прямо перед нами, в двух шагах. Темный его зев загораживали склоненные деревья, куполом нависающие над высохшим ложем ручья. Снизу листву подсвечивали гуляющие оранжевые блики. Серый с подпалом дым, словно зверь, карабкался по противоположному склону, прижимаясь к крутизне. Самого пламени видно не было.

— Я слышал, принцесса и приятели ее... того... — Ратер щелкнул пальцами. — На шабашах своих через костер прыгают. Гольшом.

— Ну и пусть себе прыгают. Тебе-то что?

— Говорят, она ведьма.

— Мораг — ведьма? — Я покусала губу, потом все-таки сказала: — «Ведьма» — это не совсем правильно. Она не ведьма. Она... эхисера.

— Что?

— Ну... волшебница. Магичка.

— Да ты что? — Ратер схватил меня за рукав, развернул к себе. — Значит, это правда? Не враки?

— Что — правда?

— Что она колдунья!

— Ратер, все не так просто. Я тебе потом объясню. Пойдем отсюда.

Я потянула его прочь, но парень стоял столбом.

— Колдунья... Я так и знал. Так и знал, что тут не без нечистого... У нее ж на лице написано... Душу свою бессмертную продала за силу колдовскую!

— Да ну тебя, Ратер, ерунду городишь. Все было не так.

— А как?

— Мать ее, королева Каланда, была эхисера. Настоящая эхисера, без всяких там... — Зачем я это ему рассказываю? Тем более — откуда я это знаю? Но вот же знаю и рассказываю, черт за язык тянет... или старая неизжитая зависть, или тоска неумная? — Я думаю, это она принцессу к волшебке причастила, обряд провела, гения дарующий.

— У-у! — вдруг взвился Кукушонок, пришлось шикнуть на него, чтоб не повышал голос. — У-у... Так это королева Каланда, это все она... это она принцессу нечистому продала, когда та еще маленькой была.

— Да что ты бормочешь! Никого она никому не продавала. И не смей про Каланду гадости говорить! Ты ее вообще не видел.

— Да твоя обожаемая Каланда... собственную дочь... Я сунула под нос Кукушонку сжатый кулак.

— Еще одно слово про Каланду... эй, ты куда?

Кукушонок оттолкнул мою руку и зашагал к оврагу. Я догнала его, сцапала за плечо:

— Спятил? Нас поймают. У них собаки.

— Какие собаки?

— Они же охотились днем, балда! Как пить дать, это охота заночевала.

Парень поспешил палец и поднял его над головой.

— Ветер от Нержеля. Обойдем вон там.

— Ты кретин. Ты безмозглый идиот.

— Ну и вали отсюда, если трусишь.

— Я уже имела дело с принцессой. Не хочу ей больше попадаться.

— Вот и вали, говорю.

— И тебя уже один раз вытаскивала из застенков. Мне это тоже надоело.

— Давай, давай. Попрекни меня еще куском хлеба.

— Не топай, балбес! Ломишься, как стадо кабанов.

— Тихо ты...

Ратер опустил на четвереньки и осторожно пополз сквозь растущую на краю оврага мокрую малину. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Внизу открылась неширокая ложбина — на дне ее, прямо под нами, словно в адском котле полыхал костер, по песчаным стенам металась ломкие тени. На фоне пламени корчились и скакали три косматых силуэта — правда, не совсем голяком, а в длинных распоясанных рубахах. Пара пестро одетых музыкантов терзали визжащие инструменты. Призывно пахло горячим вином и чуть подгоревшим мясом.

Дальше, в глубине котловины, на разбросанных плащах сидели и лежали остальные гуляки, у которых, наверное, уже не было ни сил, ни желания прыгать перед огнем. Трое или четверо спали вповалку на разбросанных коврах, еще четверо, сидя полукругом, лениво передавали друг другу полупустой мех, а одна пара, нисколько не смущаясь присутствием зрителей, занималась любовью.

— Ну, разбойники... — вполголоса пробормотал Кукушонок. — Настоящие разбойники...

— Где-то должны быть слуги. И лошади. И собаки.

— Вон там, я смекаю, — Кукушонок показал в темную глубину оврага.

— Если они там, собаки нас унюхают.

— Наверяд ли. Слишком туточки много потных нобилей, чтоб унюхать двух замерзших браконьеров. Хотя какие мы браконьеры, здесь же не Королевский Лес.

— А, для них один черт... Смотри-ка, это ведь девушки у костра скачут. У одной, кажется, кроталы в руках.

— Это альхана, которая с погремущками. А остальные, наверное, просто шлюхи из города. Ноблесок тут нет. Музыканты у них тоже альханы. Вот ведь наяривают, черти...

Я оглядела всю компанию в поисках принцессы.

— А где Мораг?

— Мораг-то? Вон она.

— Где?

— Да вон. С мехом.

А ведь точно. Один из ленивых пьянчужек оказался принцессой.

Сверкнул серебряный обруч — принцесса откинулась назад, расправляя мех и выцеживая себе в глотку остатки вина — угольно-черные волосы коснулись скомканного на земле плаща.

Пустой мех отлетел в сторону, Мораг легким скупым движением вскочила на ноги. Вскинула руку — музыка смолкла на полутакте, танцующие у костра замерли, теперь был слышен только треск пламени и шум ветра в листве.

Принцесса что-то проговорила. Двое пьянчужек поднялись и направились к костру.

— Че это они делают? — удивился Кукушонок.

— Гасят огонь, как видишь.

— Разве так огонь гасят?

Девушки в рубашках отодвинулись к песчаной стене; парни, вооружившись длинными палками, принялись растаскивать костер в разные стороны. Пламя тут же упало, сократилось, сделалось темнее. Принцесса между тем отвесила пару пинков сплетшейся паре и отправилась пинать спящих.

Вскоре народ в котловине зашевелился. Вспыхнули факелы. Ковры и разбросанный скарб оттащили подальше, а бывший костер превратился в большую, мерцающую темно-алым кляксу.

— Ого, — пробормотала я. — Или я ничего не понимаю, или сейчас цирк начнется.

— Чего начнется? — Кукушонок недоумевал.

— Цирк, говорю. Это будет похлеще прыжков через костер. Ты гляди, гляди...

— Не нравится мне это... — бормотал он, ерзя и шурша ветками. — Лучше б они этим своим занимались... оргием своим...

— Тссс! — я ляпнула Кукушонку по загривку и придавила его к земле. — Молчи.

Совсем рядом прошелестели шаги, затем кто-то затрещал кустами, пробираясь к краю оврага. Мы с Кукушонком испуганно переглянулись. Невидимка повозился и затих в трех шагах от нас.

Кукушоночьи губы воткнулись мне в ухо:

— Кто-то из слуг небось. Тоже подглядывает.

Я кивнула и прижала палец к губам.

Тем временем двое помощников стащили с Мораг сапоги и завернули штанины до середины икр — она босиком прошла перед рассыпанными углями. По периметру мерцающей кляксы воткнули десяток факелов, осветив место действия. Мораг махнула рукой — музыканты слаженно грянули какую-то смутно знакомую мелодию, а девушка-альхана, щелкая кроталами, вдруг завела мощным, ясно слышимым голосом:

— Не летай, голубка, в горы,
Стрелы для тебя готовы!

Мораг помедлила, прислушиваясь к музыке, затем выпрямилась, проведя руками по бокам сверху вниз, сжала ладонями узкие бедра, тряхнула черной гривой — и шагнула на раскаленные уголья.

Кукушонок придушенно ахнул, я снова надавила ему на загривок, пригибая горячую его голову к земле. А чего он ждал, интересно? Что принцесса рыбу ловить будет в этом пекле? Или кого другого загонит на головешках прыгать?

Принцесса подняла руки над головой, ударила в ладони и закружилась, взметывая босыми ногами черную золу. В прорезях темной котты замелькала белая рубаха, белые рукава взлетели крыльями, волосы бессветным плащом расстелились по воздуху у нее за спиной. Толпа раздалась — на песке, перед перемигивающейся алыми огоньками угольной лужей плясала и пела альхана, тоже голоногая, простоволосая, в одной нижней рубахе.

— Где в горах снега не тают,
Стрелы острые летают!
Не улыбка и не шутка
Не спасут тебя, голубка.
Не опасно? Не серьезно?
Улетай, пока не поздно!
На родной лети порог
Я не голубь, я стрелок.
Не летай, голубка, в горы
Рано поутру,
Чтоб не умер я от горя,
Выпустив стрелу,
Выпустив стрелу.

Я глядела во все глаза. Зрелище было что надо! Хорошенькая альхана оказалась прирожденной плясуньей и певицей, а вот Мораг танцевать не умела, однако кружилась по раскаленным углям с великолепной грацией разъяренного животного.

Кукушонок поедал их глазами, весь подавшись вперед. На лбу и на крыльях носа у него выступил пот. Эк парня ра-

зобрало! Впрочем, неудивительно. Альхана была хороша, а принцесса еще лучше. Хоть то, что она вытворяла, мало походило на танец. Но дикий заморский зверь пантер из нее получился — будь здоров! Даже отсюда было видно, как блестят у принцессы зубы.

Рядом ни к месту заерзал, зашевелился наш невидимый сосед. Мне пришлось толкнуть Ратера в бок, чтоб он прекратил сопеть, вздыхать и громко глотать слюну. Кукушонок ответил на тычок бессмысленным мычанием, не отрывая глаз от красавиц. Ладно, шут с ним. Если сосед в таком же состоянии, как и мой спутник, то он не только нас, он и вражескую армию у себя под носом не заметит.

В глубине оврага, там, куда уводило песчаное русло ручья, мне почудилось шевеление во мраке. Какие-то голоса загомонили за ярко расписанным занавесом альханской музыки. Вдруг из темноты выскочил человек, размахивая руками и крича, и музыка оборвалась.

— Чудовище! — кричал человек, и по его голосу было ясно, что он не на шутку испуган. — Миледи, там чудовище в лесу! Дракон, миледи! Прямо к лагерю подошел!

Мораг, продолжая движение, с поворота ловко спрыгнула на землю, в то же мгновение рядом с нами что-то тренькнуло, свистнуло — и посреди угольной лужи, взбив облачко золы, вырос белоперый цветок на длинном тонком черенке.

Меня словно подбросило.

— Убийца! Здесь убийца! Стой!

Серая тень взвилась из травы, шархнула куда-то вбок, за ней, оттолкнув меня, волчьим прыжком метнулся Ратер, затрещали кусты, треск покатился влево, и гвалт голосов из оврага заглушил его.

Внизу, похватав редкие факелы, метались люди. Я слышала зычный голос Мораг, выкрикивающей приказы вперемешку с проклятиями, ржание непонятно откуда взявшихся лошадей, чей-то визг, лай собак.

Ну какого дьявола я позволила Кукушонку втащить себя в эту дурацкую затею! Ясно же — там, где Мораг, обя-